

Повелители волков

VI век до н. э. Правитель персов Дарий, седьмой царь из династии Ахеменидов, решает начать поход против скифов. Кровь и смерть ждут каждого, кто встанет на пути войска персов. Прекрасная дочь скифского вождя Искуза попадает в плен и раскрывает перед захватчиками секрет силы своего народа. Она ведет их к древним реликвиям, присвоив которые, персы победят диких степняков. Но слишком поздно перс Сибкитан осознает, что дева заманила его войско в ловушку, и теперь их преследует загадочное племя, которое покровительствует волкам. Путь назад отрезан. В то же время соплеменники Искузы уверены, что она предала свой народ и своего возлюбленного. «Повелители волков» не прощают измены. И у волчицы есть только одно право искупления — погибнуть в битве. Или сгореть на костре...

Святослав Воеводин

ПОВЕЛИТЕЛИ
ВОЛКОВ

Святослав Воеводин

ПОВЕЛИТЕЛИ
ВОЛКОВ

Роман

ХАРЬКОВ
2020

 КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-7887-5 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Наталья Коноплич

Электронная версия создана по изданию:

Правитель персів Дарій, сьомий цар з династії Ахеменідів, розпочинає похід проти скіфів. Кров і смерть чекають на кожного, хто постане на шляху війська персів. Прекрасна дочка скіфського вождя Искуза потрапляє в полон і розкриває загарбникам таємницю сили свого народу. Вона веде їх до реліквій, присвоївши які, перси переможуть диких степовиків. Але перс Сібкитан запізно усвідомлює, що діва заманила його військо в пастку, і тепер їх переслідує загадкове плем'я, яке захищає вовків. Шлях назад відрізано. Одноплемінники Искузи переконані, що вона зрадила свій народ і свого коханого. Володарі вовків не прощають зради. І у вовчиці є тільки одне право на спокуту — загинути в битві. Або згоріти на вогнищі...

Воеводин С.

В63 Повелители волков : роман / Святослав Воеводин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 288 с.

ISBN 978-617-12-7647-5

Правитель персов Дарий, седьмой царь из династии Ахеменидов, начинает поход против скифов. Кровь и смерть ждут каждого, кто встанет на пути войска персов. Прекрасная дочь скифского вождя Искуза попадает в плен и раскрывает перед захватчиками тайну силы своего народа. Она ведет их к реликвиям, присвоив которые, персы победят диких степняков. Слишком поздно перс Сибкитан осознает, что дева заманила его войско в ловушку, и теперь их преследует загадочное племя, которое покровительствует волкам. Путь назад отрезан. Соплеменники Искузы уверены, что она предала свой народ и своего возлюбленного. Повелители волков не прощают измены. И у волчицы есть только одно право искупления — погибнуть в битве. Или сгореть на костре...

УДК 821.161.1

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Глава 1. Противостояние

I

В синеватой мгле рассвета едва заметно проступали темные стволы деревьев. Между ними светлела полоса песчаного берега. Дальше начиналось море. Еще вчера гремящее и беспокойное, сейчас оно было сонным, тихим, загадочным. Свет зари, отражаясь на блестящей поверхности, окрашивал море в нежно-розовые цвета с перламутровым отливом. Морская гладь была настолько спокойной, что ее было жалко тревожить. Приблизившись к кромке воды, Искуза остановилась. Теплая волна поцеловала пальцы ее ног и откатилась.

— Привет тебе, море! — сказала Искуза.

Море тоже с ней поздоровалось. Шелестящим шепотом.

Только теперь Искуза поняла, как по нему соскучилась. Вчера они приехали поздно, и дядя Скунх не отпустил ее поплавать, сказав, что негоже девушкам покидать пределы стойбища ночью. Он был вождем, и в этих краях его слово было законом, так что перечить Искуза не стала, а просто проснулась затемно и стала ждать, пока небо посветлеет. Ночь закончилась, дядин запрет утратил силу, поэтому с рассветом она незаметно покинула стойбище и прибежала к морю.

Прошлым летом, когда Искуза проделала то же самое, дядя Скунх пригрозил выпороть ее плетью, но, конечно же, не сделал этого. Ведь она была дочерью его старшего брата Марсагета, а тот царствовал над сколотами и водил за собой славное воинственное племя людей-волков, равных которым в бою не было среди народов, населяющих земли. Мать Искузы больше не сопровождала его в странствиях и походах, скончавшись от укуса каменистой гадюки три или четыре года назад. Место ее заняла другая царица, молодая и капризная, и, чтобы сделать ей приятное, отец постоянно отсылал Искузу погостить то у одного брата, то у другого, то у третьего. Во владениях Скунха ей нравилось больше всего. Его племя охраняло владения скотов от набегов с моря, а ради моря можно было пережить даже разлуку с Агилом.

Исида задрала подол и по колению вошла в теплую, как парное молоко, воду. Ей вдруг захотелось засмеяться, и она засмеялась. «Как жаль, что рядом со мной нет Агила!» — промелькнула в голове мысль и тотчас сменилась другой, не такой умильной, но зато честной: «А вот и нет, а вот и не жаль! Это даже хорошо — побыть вдали от него перед свадьбой, потому что сейчас я любимая, а потом буду жена, и дети повиснут на мне, и много нудных и тягостных обязанностей лягут мне на плечи. И стану я придерживать Агилу стремя, провожая его в поход, а потом сидеть дома, дожидаясь его, а годы будут идти, и морщины покроют мое милое лицо, и седина проступит в волосах... Да, я люблю его, но превращаться в покорную бабу я не желаю, не желаю... Я вечной молодости и свободы хочу, я простора хочу... и неба... и этого чудесного моря, на которое никак нельзя наглядеться!»

Они любовались друг другом — юная девушка и необъятное море, постепенно меняющее цвет. Розовые разводы поблекли, затем стали серебриться, поголубели, и вот уже водная гладь сделалась густо-синей, с широкой фиолетовой полосой на горизонте. А с краю, куда доставали солнечные лучи, все окрасилось в багрянец.

Искуза приготовилась стащить рубаху, чтобы бросить ее на песок и окунуться в море, когда услышала за спиной негромкий смех. Поспешно обернувшись, она увидела подбоченившегося юношу со светлыми и такими кудлатыми волосами, что они ничем не отличались от овечьей шерсти. Загорелый, рослый, белозубый, он стоял возле длинной узкой лодки, которую, должно быть, ухитрился дотащить сюда в одиночку.

— Почему ты остановилась? — спросил он насмешливо. — Я успел увидеть тебя только сзади.

— Нахал! — сказала она, на всякий случай оправляя рубаху. — Убирайся отсюда!

— Это мое место, — заявил юноша. — Тропу, по которой ты пришла, протоптали мои ноги. Я пришел ловить рыбу. Сегодня будет хороший улов. Ты кто? Поможешь мне спустить лодку на воду?

Быстрота, легкость и непринужденность его речи обескураживали. К тому же он был очень хорош собой. Искуза пожала плечами.

— Если ты самостоятельно донес лодку сюда, то зачем тебе моя помощь теперь? — сказала она и, подумав, добавила: — Я дочь царя

Марсагета, Искуза.

— А, так это ты гостя Скунха? — догадался юноша. — Тогда, конечно, тебе не пристало помогать простому рыбаку.

Вздыхнув, он склонился над своей лодкой и стал толкать ее по песку. Даже издали было видно, какая это нелегкая работа. Пристыженная Искуза выбежала из воды и присоединилась к юноше, который, как она видела, просто выбивался из сил.

— Не так, — сказал он. — Если уж ты решила помочь, то бери за нос, а я — за корму, и понесем. Толкая, можно повредить днище о раковины или камни.

Только теперь Искуза заметила, что лодка сделана не из дерева, а обтянута шкурами и вряд ли так тяжела, как хотел показать ее случайный знакомый. Подняв нос, она убедилась, что так оно и есть.

— Эй! — воскликнула она. — Ты мог бы обойтись без меня! Я не люблю, когда меня обманывают!

— Кто тебя обманывает? — удивился юноша. — Голод так истощил меня, что я стал слабее ребенка. Если не наловлю рыбы и не поем, то мне конец. Ты ведь поможешь мне?

— С какой стати? И вообще, я сроду не рыбачила.

— Я тебя научу, — пообещал юноша. — Это легко.

— Если это легко, то почему ты жалуешься на трудную жизнь?

— Я не жалуясь. Я хочу, чтобы ты поплыла со мной, и не знаю, как тебя уговорить.

Такая прямота не могла не растопить тот холодок отчуждения, которым окружила себя Искуза.

— Я должна вернуться до того, как поднимется солнце. — Она показала на небо. — Иначе меня хватятя и начнут искать.

— Мы успеем, — заверил ее юноша.

— Тогда назови свое имя, — потребовала Искуза. — Мое ты знаешь. Или мне называть тебя Парнем-Который-Не-Может-Носить-Свою-Лодку?

Расхохотавшись, он сказал, что его зовут Харизом. Они занесли лодку в море. Осторожно, чтобы не зачерпнуть бортом воду, Искуза забралась в нее и за неимением скамеек уселась на дно, зажав подол рубахи между ногами. Прежде чем присоединиться к ней, Хариз

принес с берега два тяжелых камня и объяснил, что они понадобятся в качестве якорей.

— Разве одного не хватит? — спросила Искуза.

— Если бросить один, нас будет крутить. — Он сделал вращательное движение пальцем. — Это будет отпугивать рыбу. Ты умеешь сохранять неподвижность, дочь царя Марсагета?

— Я-то да, — ответила она с достоинством. — А способен ли ты держать себя в рамках приличий, рыбак? Учти, я не потерплю от тебя никаких вольностей. Не забывай, кто ты и кто я.

Лицо Хариза дернулось, как будто ему отвесили пощечину.

— Я помню, — сказал он. — И не забуду, можешь не сомневаться.

II

Пока Хариз греб, заносая весло то справа, то слева, Искуза смотрела на приближающийся мыс. Бурые скалы отражались в море, как в большом зеркале. Из воды, точно клыки гигантского чудовища, торчали гранитные острия.

— Мы зовем это место Львиным Зевом, — сообщил Хариз. — Под водой таких зубов, наверное, сто или даже больше. Они легко пропорют днище. Смотри, мы поплывем прямо над этими камнями.

Искуза опустила взгляд. Сквозь изумрудную зелень воды проступили лиловые шапки водорослей. Лодка пронеслась над ними. За скалистой грядой лежала маленькая бухта с сонной, будто остекленевшей водой. С трех сторон ее закрывали скалы, а за ними круто вздымался берег, покрытый выгоревшей на солнце травой. Пылающая заря отражалась в море.

— Здесь, — сказал Хариз, останавливая легкую лодочку у входа в бухту.

Обвязав камни толстыми веревками, он поочередно сбросил их с носа и кормы, больно задев Искузу коленом. Затем она получила плоскую дощечку, обмотанную плетеной нитью из конского волоса.

— Делай все, как я, — велел Хариз.

Он насадил на бронзовый крючок половину маленькой рыбешки, взял конец нитки с тяжелым свинцовым грузилом и крутнул над головой. С тонким свистом снасть пронеслась над бухточкой, плюхнулась в воду и пошла на дно.

— Теперь надо слегка подергивать удило, чтобы казалось, будто наживка живая, — пояснил Хариз. — Дернет — сразу подсекай.

— Что делать? — не поняла Искуза.

— Увидишь. — Он подмигнул. — Очень скоро увидишь, дочь царя. Только держи язык за зубами, а то рыбу распугаешь.

Она примолкла. Азарт охватил ее. Она втайне мечтала первой поймать рыбу и обставить Хариза. Все ее внимание, все ее чувства сосредоточились в пальцах, держащих нить.

— Не оборвется? — спросила она вполголоса.

— Что? — не понял Хариз, развернувшийся к ней спиной.

— Нитка, — сказала Искуза.

— Не оборвется. Она называется леса... Хоп! Гляди, какого толстяка я подцепил.

Хариз обернулся, чтобы показать пучеглазую рыбу, которую сжимал в кулаке. У нее была большая голова и пасть, полная мелких острых зубов.

Вскоре за этим Хариз вытащил еще одну рыбу, потом другую. Искуза начала нервничать. Почему же у нее не клюет? Они ведь сидят в одной лодке, на одном месте ловят, да только Хариз то и дело головастых рыб тягает, а ей хоть бы малюсенькую поймать для начала.

Она уже была готова бросить снасть, когда ее ладонь ощутила рывок. Она начала быстро выбирать лесу обеими руками. По упругому трепету ощущалось, что на другом конце кто-то сопротивляется. Это продолжалось недолго. В прозрачной синеве появилось темное пятно и превратилось в черную головастую рыбу. Она извивалась с таким бешенством, что казалось, будто у нее не один хвост, а десять или даже больше. Но в тот момент, когда Искуза протянула руку, чтобы схватить рыбу, та сорвалась с крючка и шлепнулась в воду. Наживки как не бывало.

Хариз разрезал ножом одну из своих рыб и протянул ломтик Искузе:

— На, насаживай скорее. И больше не зевай.

Прежде чем закинуть свой крючок, он разбросал вокруг лодки пару десятков таких ломтиков, проследив за тем, как они медленно опускаются на дно. Потом сунул нож за узкий ремень штанов и вновь приступил к ловле.

На этот раз удача улыбнулась Искузе. Словно сжалившись над ней, рыбы стали клевать одна за другой еще до того, как грузило успевало утонуть окончательно. Леса трепетала, натягивалась, выскальзывала из воды, отправлялась обратно. Хариз не отставал. Очень скоро лодка наполнилась жирными, упругими рыбами, скачущими между ногами.

Разгорячившись, Искуза забыла придерживать рубаху коленями, волосы прилипли к ее взмокшему лбу, губы покраснели от беспрестанного покусывания. Сбрасывая улов в лодку, Хариз не забывал поглядывать на нее глубокими темными глазами. Искуза не обращала на это внимания. Азарт переполнял ее. Девушка и сама не

понимала, как вышло, что она уже не просто успешно соперничает с опытным рыболовом, но и обставляет его с каждой подсечкой. Казалось, все рыбы этой укромной бухточки собрались под кормой лодки и оравой набрасываются на ее крючок. Солнце уже поднялось высоко, и пора было возвращаться домой. Но, распираемая восторгом, Искуза не могла устоять перед соблазном ловить еще и еще. Стоило ей только почувствовать трепет лесы в руке, как у нее перехватывало дыхание и она забывала обо всем.

Снимая с крючка очередного скользкого «головастика», она бросила ликующий взгляд на Хариза. Он насупился и отвел глаза, которые завистливо пересчитывали чужую добычу. Ему было неприятно, что он, прирожденный рыбак, уступает приехавшей издалека девчонке, ничего не смыслящей в ловле и еще совсем недавно не способной закинуть лесу, не запутав ее и не зацепив крючок. Самое обидное, что с этим ничего нельзя было поделать. Сколько Хариз ни менял наживку, сколько ни бросал в воду мелко нарезанную рыбу и хлебные крошки, Искуза все равно подсекала чаще и улов ее был богаче.

Чувство унижения было острым, как боль в ране, смоченной морской водой. Хариз больше не отпускал шуточек, он ловил в напряженном молчании. Искуза тоже обходилась без лишних слов. Каждый был занят своим делом. Ничто постороннее не привлекало их внимания.

Над лодкой с криком кружились чайки. Самые прожорливые и смелые падали в воду совсем рядом и подхватывали рыбью мелюзгу, выброшенную за борт. В другое время Хариз не удержался бы, чтоб не отогнать шумных птиц веслом. Но сейчас не до этого было. И он, и его соперница дорожили каждой минутой, опасаясь прозевать хороший клев и проиграть состязание. Так что оба не заметили, как из-за крутого берега поднялось небольшое серое облачко, которое неожиданно закрыло солнце.

III

Между тем облачко, вначале чуть застилавшее солнце, разбухало, тяжелело и наливалось свинцом, превращаясь в темную грозовую тучу. Она медленно и как бы нехотя поднялась из-за высокого берега, а потом начала быстро заволакивать небосвод, угрожающе нависая над мысом и бухтой.

Внезапно загрохотал гром. Искуза вздрогнула.

— Что это?

— Гроза, — коротко ответил Хариз, испытывая мучительный стыд за то, что проморгал перемену погоды.

Увесистая капля звонко шлепнулась в неподвижную сонную воду и распустила круг, за ней другая, третья.

— Дождь, — сказала Искуза, подставляя ладонь.

Хариз опасливо посмотрел на восток.

— Сматываемся, пока волны не поднялись, — осипшим голосом произнес он.

— А что тогда?

— Тогда не обрадуешься.

Искуза, проникшаяся его тревогой, стала быстро наматывать лесу на дощечку. Хариз проворно вытаскивал камни, отвязывал и бросал обратно. Вода в бухточке стояла неподвижно, как в озере. Ветер, срываясь с кручи, пролетал над головами и несся дальше, покрывая море полосами серой ряби. Эти полосы уходили все дальше и дальше к горизонту, начиная волновать спокойную гладь.

Хариз посмотрел в открытое море и с сомнением покачал головой.

— Переждать бы надо, — сказал он.

— Нет, нет, нельзя! — воскликнула Искуза. — Меня уже, наверное, хватились. Мы должны спешить.

— Нас сильно потреплет, дочь царя.

— И пусть.

Море было уже не просто серым, а темным, беспокойным. Ветер гнал по нему буруны, похожие на белых барашков. В бухте же по-прежнему

было относительно спокойно. Ее надежно прикрывал каменный мыс, протянувшийся от берега.

— Переждать надо, — повторил Хариз.

Искуза отбросила пряди волос с глаз и прищурилась:

— Ты трус, рыбак? Дождика испугался? Бери весло и гребь. Я приказываю!

Хариз скрипнул зубами и подчинился. Дело было не в приказе, Искуза это видела. Его задело за живое обвинение в трусости. На это она и рассчитывала.

Пока они добрались до мыса, ветер заметно усилился. Издали было видно, как за мысом, у входа в бухту, вздымаются волны, увенчанные гребнями. Над грядой подводных камней поднимались и опадали пенистые холмы. Из бешено крутящихся воронок высывались мохнатые горбы подводных скал.

Лодку качнул порыв ветра, хлынул дождь. Крупные капли так сильно хлестали по лицу, что Искуза была вынуждена наклонить голову. Но от этого не стало легче. Водяные струи били по спине, лились за ворот и ледяными змейками ползли по груди и животу. Искузе стало боязно, оттого что на ней нет ничего, кроме рубахи. Мокрая ткань липла к телу и так плотно облегала его, что оно стало все равно что голым. Искуза обняла себя за плечи и плотно сдвинула ляжки.

Хариз стремительно поворачивался из стороны в сторону, загребая веслом то слева, то справа. Рубаху он скинул, и его торс был обнажен. Искуза обратила внимание на его плоский живот с бугорками напрягшихся мышц. Ее взгляд упал на мохнатую дорожку, сбегаящую от пупа в приспущенные штаны. Грудь его была совершенно гладкой, если не считать нескольких волосков, встопорщившихся между сосков. Из-за усилившейся качки Искуза испытала ощущение сосущей пустоты внутри, как в детстве, когда летаешь на качелях.

— Еще не поздно повернуть обратно! — крикнул Хариз сквозь шум ветра.

— Нет, — твердо отчеканила Искуза. — Только вперед.

— Смотри же, не пожалей потом.

— Не пожалею.

— Плавать умеешь? — спросил он.

— Да, — ответила она, не задумываясь, хотя, будучи уроженкой степи, лишь кое-как держалась на плаву.

Лодка устремилась в хлюпающий зазор между подводными камнями. Искуза побледнела, вцепившись пальцами в хрупкие борта и пытаясь определить на глаз расстояние между кипящими воронками и кожаны́м корпусом. Проскочит? Зацепится? Сядет на камни и порвется?

Хариз оказался прекрасным гребцом и кормчим. Повинуясь его точным движениям, лодка с разбегу прошла в пальце от метающихся на скалах лиловых водорослей. Весло оттолкнулось от ближней каменной макушки, и, миновав Львиный Зев, они оказались в относительной безопасности.

Прыгая по волнам, лодка устремилась к скалистому мысу, где можно было укрыться от бури. Однако обогнуть его оказалось не так-то легко. Волны и ветер, словно сговорившись, обрушились на утлое суденышко, грозя угнать его в открытое море, а там уж перемолоть между водяными жерновами.

— Плохо дело! — крикнул Хариз. — Встречный задул. Теперь к своему берегу не пристанем. Говорил тебе, дура!

Искуза хотела сказать, что он сам дурак, но смолчала. Прорываться к стойбищу было ее идеей. Вина за происходящее лежала на ней.

Она оглянулась на покинутую бухту, смутно проглядывающую сквозь пелену дождя. Теперь она была не розовая и тихая, как на рассвете, а грязно-зеленая, кипящая тяжелыми, мутными волнами. А между тем удары грома раздавались все чаще, ветер с каждой минутой крепчал и с нарастающей яростью бил в нос лодки, толкая ее обратно.

Хариз закусил губу и со злым упрямством греб сильными рывками. Штаны его от дождя потемнели и прилипли к ногам, наловленную рыбу частично вымыло из лодки, заливаемой водой, но он не обращал на это внимания. Кудлатые волосы его обвисли и лишь кое-где завивались непослушными кольцами. Сильные руки двигались безостановочно, но удары весла раз от разу становились все слабее, и ему стоило невероятных усилий все время выравнивать лодку и держать ее против ветра.

— Давай сменю, — предложила Искуза.

— Я сам! — прокричал он. — Ты воду вычерпывай.

— Чем?

— Чем хочешь!

Искуза запустила пригоршни в воду и принялась быстро-быстро сбрасывать ее за борт. Когда под руку попадались рыбины, они тоже летели в море. Колючие плавники кололи пальцы, чешуя царапала кожу.

Хариз работал с удвоенной энергией, как будто у него прибавилось сил. Но лодка продвигалась вперед медленно, точно морское чудище уцепилось за дно и не пускало ее.

С тех пор как они свернули за мыс в бухту, прошло уже довольно много времени. Управлять лодкой становилось все труднее. Она раскачивалась, виляла, становилась на дыбы и норовила развернуться бортом к ветру. И все же берег постепенно приближался. Сил и умения Хариза хватило, чтобы перебороть стихию. Хотя и медленнее, чем раньше, они все же упорно продвигались к своей цели. У Искузы крепла уверенность в том, что они благополучно доберутся до берега, где, должно быть, уже рыскают дозорные дяди Скунха.

Но тут случилось нечто неожиданное. Перед глазами Искузы сверкнуло что-то ослепительно-яркое, шипучее, и в следующий миг она услышала страшный грохот и треск, как будто весь небосвод разодрался из края в край. Искуза зажмурилась и съежилась на дне, не замечая, что хлебает провонявшую рыбой воду. Когда она открыла глаза, Хариз сидел напротив нее, спрятав голову между колен и прикрыв ее руками. Хлесткие струи дождя барабанили по его сторбленной спине и ручьями стекали на дно. Весло беспомощно болталось в лодке, готовое перемахнуть через борт и скрыться в морской пучине.

Искуза схватила весло и стала неумело грести, едва удерживая равновесие на широко разведенных ногах. Днище под ней прогибалось и пружинило.

— Хариз! — завопила она. — Вставай! Нас уносит! Уносит в море!

Голос ее тонул в вое ветра и шуме волн, но он услышал его и, подняв голову, посмотрел на Искузу. Лицо парня было искажено ужасом.

— Папай-громовержец гневается на нас! — крикнул он. — Это он метнул молнию. Нельзя сопротивляться. Будет только хуже.

— Папай любит смелых и презирает трусов. Греби! Я не справлюсь.

Когда Хариз сменил Искузу, очертания знакомого берега исчезли, размытые дождем. Куда ни глянь, всюду стояла полосатая стена дождя. Кто их услышит? Кто заметит? Неужели они утонут и их сожрут те самые черные головастики, которых они недавно ловили?

Отчаяние охватило Искузу. Нужно было немедленно действовать, что-то предпринять. Но что именно? Может быть, им броситься в воду и плыть к скалам? Нет, нельзя. Захлестнет волнами, завертит, а потом с размаху швырнет на камни. Да и не доплыть Искузе до мыса. Значит, конец? Вот так бессмысленно оборвется ее молодая жизнь?

Так думала она, по наивности полагая, что у жизни ее был какой-то иной, какой-то особый смысл. Как будто миру было не все равно, есть она или ее нет.

IV

Пока Искуза беспомощно озиралась вокруг, ливень стал стихать. Он прекратился так же неожиданно, как и начался. Уплывающая сизая туча еще сеяла последние редкие капли, но выглядела теперь совсем не грозной. Вокруг прояснилось. Ветер подгонял лодку к самому крайнему клыку Львиного Зева.

Ловко извернувшись, Хариз в очередной раз провел лодчонку над опасной грядой. Сразу за ней начиналась полоса затишья. Волны налетали на каменные зубья и, утратив разбег, опадали. В глубине бухточки колыхалась лишь мелкая зыбь, а под высоким берегом, где они ловили рыбу, вода выглядела почти спокойной.

— Вот и все, — облегченно выдохнул Хариз, причаливая к узкой кромке песка, протянувшейся под кручей.

— Молодец, — похвалила его Искуза. — Спасибо тебе.

Он насмешливо посмотрел на нее:

— Такова твоя царская благодарность? Одни только слова?

— У меня ничего нет, — смешалась Искуза. — Цепочку унесло море. А браслет, — она показала руку, — не могу отдать, это отцовский подарок.

— Тогда подари мне себя, — предложил Хариз, усмехаясь. — Этого будет достаточно.

К ее лицу прилила кровь. Она топнула ногой, не заметив, что порезала ступню об острую раковину.

— Я тебя предупреждала и предупреждаю еще раз: не переступай границы дозволенного.

— Извини, — произнес Хариз со вздохом. — Твоя красота вскружила мне голову сильнее вина. Я больше не буду.

— Хорошо, — кивнула Искуза.

Настроение у нее было приподнятое, располагающее к порывам великодушия. Колени дрожали, руки тряслись, земля под ногами слегка покачивалась, но Искуза чувствовала себя так, как будто одержала победу в сражении. Радостное возбуждение переполняло ее.

Отжимая края рубахи, она несколько раз пристукнула зубами.

— Замерзла? — спросил Хариз участливо.

— Немного, — призналась Искуза.

— Нужно согреться, а то простынем. Давай повернемся друг к другу спинами и выжмем одежду. Не бойся. Я тебя не трону.

— Опять начинаешь?

— Я просто о тебе забочусь, — произнес Хариз. — Ты мне теперь как сестра. А у тебя из носа течет.

— Правда? — Искуза поспешно вытерлась рукавом. Ее слегка просохшее лицо вновь стало мокрым.

— Правда. Все, я отворачиваюсь. Смелее, дочь царя!

Хохотнув, Хариз стал к ней спиной и взялся за ремень. Искуза тоже повернулась к нему спиной. Поколебавшись, стащила через голову рубаху и принялась сворачивать в жгут, выдавливая воду на песок.

Солнце то проглядывало, то скрывалось за облачками. Было свежо. От камней тянуло сыростью, пахло мокрыми прелыми водорослями.

Выкручивая рубаху, Искуза дрожала, но окаменела, когда две руки, скользнув у нее под мышками, сжали ее груди.

— Пусти, — отчеканила она, не шелохнувшись.

Вместо этого Хариз потянул ее на себя. Они вместе упали и покатались по песку. Издали могло показаться, что они борются, сиюсь взять верх друг над другом. Искуза кусалась и царапалась, как дикая кошка, но не кричала. Один раз ей удалось вырваться, когда она просунула колено между ног Хариза и надавила. Но, сделав два прыжка, она, пойманная за щиколотку, вновь оказалась на песке.

Не отпуская ногу Искузы, Хариз заволок ее на мелководье и упал сверху. Здесь все ее силы уходили на то, чтобы держать голову на поверхности и хватать ртом воздух. Воспользовавшись этим, он проделал с ней то, что даже Агилу не позволялось. Как только это случилось, Искуза прекратила барахтаться и уронила голову, глядя на насильника сквозь плещущую воду, как утопленница. Воздух выходил из ее рта серебристыми пузырями.

Испугавшись, что она задохнется, Хариз кончил очень быстро, после чего заставил Искузу сесть и дышать. Она на него не смотрела, завесив лицо мокрыми, облепленными песком волосами.

— Ты сама виновата, — сказал Хариз, поднимаясь на ноги. — Дразнила меня.

Искуза молчала.

— Если ты расскажешь кому-нибудь, то будешь опозорена навеки, — предупредил он. — Все узнают, что дочь Марсагета лишилась девственности на морском песке с сыном простого рыбака.

— Ты это решил с самого начала, — произнесла Искуза.

— Я умный. — Хариз пожал плечами. — Умнее, чем ты думала. Пойдем поплаваем и будем возвращаться. Я высажу тебя подальше от селения. Нас не должны видеть вместе.

— Плавай сам, — сказала она. — Я не хочу.

— Как хочешь.

Снова пожав плечами, он бросился в воду.

Когда он вышел на берег, она стояла на прежнем месте, но уже со своей рубахой в руках.

— А ты не спешишь одеваться, — усмехнулся Хариз. — Понравилось? Хочешь еще?

Она кивнула:

— Мне было мало.

Когда он приблизился и положил ладони на ее плечи, она уронила рубаху. В тот же миг он увидел в ее руке свой нож, который был оставлен рядом со штанами. Все, что успел сделать Хариз, — это втянуть мускулистый живот. В следующее мгновение лезвие воткнулось в его плоть, повернулось, выскользнуло наружу и воткнулось опять. Он вскрикнул.

Глядя Харизу в глаза, Искуза вспорола ему живот и выпустила кишки. Скользкие, они не удержались на его подставленных ладонях и начали вываливаться на песок, увлекая его за собой. Хариз упал на колени, продолжая держаться за хлюпающую рану. Искуза зашла сзади, запрокинула голову и полоснула ножом по горлу, сказав при этом:

— Теперь достаточно.

Оттащив еще подергивающееся тело за камни, Искуза вернулась к морю и, пропоров днище лодки, подождала, пока та затонет. После этого она тщательно смыла свою и чужую кровь, оделась и полезла на кручу. Когда вдаль показались всадники, носящиеся по холмам, у нее уже была заготовлена история о том, как она решила поплавать утром, но поднялся ветер, и ее унесло волнами за скалы. Проведя в море

много времени, она совершенно выбилась из сил и решила добираться домой пешком.

В одном Хариз оказался прав. Дочь великого царя не могла допустить распространения слухов о том, что она была изнасилована. В остальном он ошибся. За что и поплатился.

Размахивая руками над головой, Искуза пошла навстречу всадникам.

Глава 2. Царь царей

I

Правитель персов Дарий, седьмой царь из династии Ахеменидов, не должен был взойти на трон. У его предшественника Кира Великого было достаточно сыновей, чтобы передать корону старшему из наследников или любому другому. Однако после смерти Кира все они передрались за власть и перебили друг друга, освободив тем самым путь чужаку — сыну царевича Гистаспа, представителю молодой и весьма слабой ветви династии. Боги покровительствовали Дарию, дабы он создал великое государство, простирающееся от Греции до Индии. Он, царь царей, обеспечил Персии владычество над миром.

Дабы занять место на троне, Дарию нужно было сделать всего две вещи: уничтожить мидийского жреца, выдававшего себя за воскресшего наследника, а потом насильно привести в свой гарем двух дочерей Кира и его племянницу, тем самым породнившись с великим родом. Сразу после этого, не давая опомниться ни знати, ни народу, Дарий повел войска на завоевание ближних и дальних стран, пополняя казну и утверждая свое владычество. Мидия и Вавилония, Парфия и Армения, Египет и Сагартия — все они в конце концов пали к его ногам. За три года непрерывных войн Дарий выиграл два десятка колоссальных сражений, напыв кровью окрестные земли. Счет убитых врагов шел на сотни тысяч, а свои потери он не считал.

Там, где сопротивление было слишком упорным, в ход шла дипломатия. Дарий рассылал послов направо и налево, ссоря союзников, склоняя к измене, суля золотые горы, пуская в ход лесть или внушая страх угрозами. Расширяя владения, Дарий повсюду расставлял своих наместников-сатрапов, щедро вознаграждая тех, кто служил ему верой и правдой, и жестоко карая отступников, казнокрадов, заговорщиков и всех тех, кто не демонстрировал должного рвения и почтения к нему, царю царей, равному богам.

Он лично следил за своевременной выплатой и правильностью назначенных налогов. Чтобы не возникало путаницы, была введена

единая денежная единица, получившая название «дарик». По всей стране протянулись дороги, заполненные торговыми караванами. Казалось, прямо из-под земли выросли крепости, храмы и даже целые города. Столицу Дарий построил новую, окрестив ее Парсой. Оттуда велось управление страной, разраставшейся с каждым годом. При этом становилось все больше провинций и управляющих ими сатрапов.

Чтобы не путать сатрапии, их пронумеровали по порядку, с запада на восток. Там, на востоке, находилась последняя, двенадцатая, нареченная Индией. Ее жители платили налог золотыми самородками, которые приносили им из-под земли огромные муравьи величиной с крысу. Другая сатрапия, славившаяся коневодством, ежедневно поставляла Дарию по одной белой лошади, благодаря чему он создал целое войско, состоявшее из всадников на белых лошадях.

Но каждый из сатрапов не забывал о собственном обогащении. Дабы они не слишком распускались, Дарий регулярно вызывал их к себе во дворец, и никто из них не знал, будет ли он вознагражден за службу или закончит жизнь нищим бродягой с отрезанным носом и вырванным языком.

И вдруг нашелся наглец, отказавшийся прибыть в столицу по вызову и предстать перед царем для отчета. Звали его Оретом, он правил провинцией Сарды. Подобно всем сатрапам, он имел в своем распоряжении немалое войско для подавления бунтов и отражения вражеских нападений. Поскольку воины получали жалованье непосредственно от Орета, то и подчинялись они тоже ему. Это дало сатрапу повод возомнить себя царем, не подвластным никому. Возможно, он даже строил планы о том, как свергнет Дария и сам усядется на его место. На это указывал и тот факт, что царские послы, отправленные в Сарды, были привезены обратно обезглавленными, — явный вызов могуществу Дария.

Два дня и две ночи царь обдумывал ситуацию. Наглеца, несомненно, требовалось наказать. Но каким образом добраться до него? Провинция Орета находилась далеко и охранялась войсками. Пойти туда с войском означало развязать войну внутри государства, породив тем самым другие междоусобицы. Ведь если Дарию не удастся с ходу взять дворец Орета, то остальные сатрапы тоже возомнят себя

недостигаемыми. Негоже царю терять лицо. Обычно вместе с лицом цари теряют и головы.

Взвесив все варианты и возможности, Дарий созвал самых близких и надежных сановников, обрисовал проблему и спросил, что, по их мнению, нужно делать. Они, значительно покивав, согласились с тем, что поход против мятежного сатрапа будет слишком дорогим и опасным предприятием, которое, возможно, только ухудшит положение дел. Сдерживая гнев, Дарий сказал, что и сам это знает. Нет ли у собравшихся иных предложений? На этот раз сановники не закивали, а дружно замотали головами. Они не знали, что делать. Впрочем, как обычно. Следовало бы приказать казнить их на месте, но тогда пришлось бы искать им замену, а результат в итоге получился бы тот же.

Дарий обвел собрание пылающим взором и произнес:

— Я приблизил вас к трону не для того, чтобы выслушивать ваше невнятное бормотание. Неужели никто из вас не способен придумать способ избавиться от Орета?

Ответом был гул виноватых голосов, сопровождавшийся пожатием плеч и рук.

— Хорошо, — сказал Дарий, трогая завитки ухоженной бороды. — Тогда я поставлю вопрос иначе. Кто из вас готов отправиться к Орету, чтобы исполнить мою волю? У кого достаточно преданности и мужества для этого? Я хочу, чтобы предатель был доставлен ко мне живым или мертвым. Впрочем, нет. Орет нужен мне мертвым. Свой суд над ним я уже совершил и приговорил его к смертной казни. Осталось привести приговор в исполнение. Ну? Кому из вас это по плечу?

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ